

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩАЯ ПОЭЗИЯ ЮНОГО ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

А.В.Вострикова

LIFE-AFFIRMING POETRY OF THE YOUNG VLADIMIR NABOKOV

A.V.Vostrikova

Московский государственный областной университет, vostrikovaanna@rambler.ru

Проанализированы стихотворения В.В.Набокова, художественный мир которых насыщен мотивами радости, добра и любви.

Ключевые слова: поэзия, драматургия, поэт, стих, творческий путь, мотив, мироощущение, читатель

The article analyzes the poems by Vladimir Nabokov, the art world that is saturated with motives of joy, happiness and love.

Keywords: poetry, playwright, poet, poem, creative way, motive, world attitude, the reader

Шла мимо Жизнь; но ни лохмотий,
ни ран ее, ни пыльных ног
не видел я... Как бы в дремоте,
как бы сквозь душу звездной ночи, —
одно я только видеть мог:
ее ликующие очи
и губы, шепчущие: Бог!
[1, с. 560]

Владимир Набоков, по уверению многочисленных критиков, не любил свое раннее стихотворное творчество. Его стихи полны жизни, радости и оптимизма. Как-то не укладывается в голове, что это может быть будущий «классический, дерзкий Набоков» с его трезво-ироническим видением мира, слишком открыт и радостен. Тем не менее, в начале творческого пути у Набокова формировался идеал, главная платформа, с высоты которой он потом смотрел на западный мир. До конца своих дней Владимир Набоков восхищался непередаваемой красотой бабочек. С природой и энтомологией навсегда соединился образ отца, которого он любил и о котором потом писал в зрелых произведениях «Дар», «Другие берега», «Подвиг». Это отчетливо характеризует душу человека как ищущую красоты, добра, любви. Набоков начал свой творческий путь со стихов и писал их на протяжении всей жизни.

О поэзии Набокова писали Вера Набокова [2], М.Ю.Лотман [3], А.В.Мазур [4], М.Маликова [5], А.М.Ваховская [6], А.Битов [7], Я.В.Погребная [8] и др. Супруга Набокова говорит о том, что писатель пребывал в постоянном ощущении жизнерадостности, несмотря ни на какие невзгоды и видимые тяготы жизни. Критики характеризуют лирику поэта как прямолинейную с оттенками некоторой простоватости, они разделяют поэта Сирина и прозаика Набокова. А.Битов отмечает, что в стихах поэт не прячет своих чувств за карнавальными масками героев и, если читатель хочет знать, кем именно был человек-Набоков, надо читать его стихи, так как он в них исповедуется [9].

Набоков в ранней лирике выразил свое радостное мироощущение. Когда он был юн, эта радость

носила бурный характер, что свойственно молодости. Жизнерадостность стихотворного творчества писателя заразительна. Он любит жизнь, все ее краски и детали символизируют свет и гармонию домашнего быта и мироздания:

Темно-синие обои
Голубеют.
Все в лучах!
Жизнь как небо голубое!
Радость, радость, я с тобою! [1, с. 437]

Голубое безграничное небо вызывает в нем восторг и упоительную радость. Он бежит вслед за светом, его лирический герой видит много хорошего и прекрасного вокруг: «Радость, я с тобою!». Поэт светится любовью, он впускает ее в свое сердце, душу, он ею наполнен, эта любовь просвечивается через его стихи.

Все восхищает, междометие радости передает чуткую восприимчивость души: «Ах, поет шарманка во дворе!» Так можно воскликнуть, подбежав к окошку и выглянув, вступая в союз с музыкой. У Набокова по-особенному «поет шарманка во дворе»:

— Утомленная,
Нежно-сонная,
Сонно-нежная,
Безнадежная [1, с. 437].

Почему «безнадежная»? Ее звуки «плавные, но своенравные и старинные». Мелодии попали в унисон поющей души, но лишь на этот короткий миг, чужая грусть трогает, но она далеко от ликующей молодости. «Старинные» звуки предстают своенравными из-за их чуждости молодому любящему сердцу.

— Звуки плавные,
Звуки длинные,
Своенравные
И старинные [1, с. 437].

В цикле «О чем поет ветер» Александр Блок запечатлел эту привычную для начала XX века картину с шарманщиком во дворе.

Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, за сердце берет... [10]

У Блока эта тема включена в мрачный контекст приближения смерти. Молодой поэт Владимир Набоков уверен, что впереди его ждет только счастье: Здравствуй, солнечная высь, Здравствуй, счастье впереди! [1, с. 437].

В стихотворениях Набокова ощущаешь живую природу, видишь ее уникальную красоту. Поэт одушевляет природу, все ее проявления полноправно живут и действуют в стихотворном пространстве.

Невероятно чуткие эпитеты подбирает поэт для описания Души Мира (дождь «тонок», пруд изумрудно-узорный), ласкательно-уменьшительные суффиксы придают умильную драматургию его лирике (боровичок, палочка, березка).

Зеленый лес, лучами перевитый,
Молчал, певучий затаив укор.
Иван-да-Марья сам с собою спор
Завел. Над сыроежкой домовитой
Смеялся добродушно мухомор [1, с. 438].

Природа настраивает на позитивные мысли: «я думал думу светлой тишины» [1, 438]. Под пером оживают и приобретают вторую жизнь явления природы, они вдохновляют поэта на воздушное парение в пространстве рифм, ее неподдельная, искренняя чистота раскрывает неиссякаемые глубины для творческого импульса и радости. Весна для Набокова — особое, упоительное, счастливое время года. Это пробуждение, новая жизнь, новые надежды на лучшее, радостное, счастливое. Воздух весной «живителен», он излечивает души, пробуждает от долгого, почти беспробудного сна.

Весна. Чуть ветерок ласкает,
И пахнет вспаханной землею.
Весь мир — как детская улыбка.
Все ясным кажется, нетрудным... [1, с. 437].

Детская улыбка полна искренней радости. Это неподдельная доброта, это открытое любви сердце. Когда радостно на душе, «всё ясным кажется, нетрудным».

Даже печаль приобретает радужный свет, она «расцветает» душу, а слёзы подобны самоцветам. Странствие — это божественный лучезарный дар, который нужно бережно таить. Рыдания — живая радуга. Только познав печаль, можно познать радость. Сладость тоски о «родине далёкой» не дает поэту уснуть «среди ночи одинокой». Такие же его мечты о «родине, о ветре», возвышенные, невозможные, но милые.

Блаженно-бережно таи
дар лучезарный, дар страдания, —
живую радугу, рыдания
неизречимые свои... [1, с. 459].

Молодой Набоков полон сил, энергии, жизни.
Он юн, смел, открыт для жизни, радости, счастья.

Мятежными любясь облаками,
В порыве юном, в солнечном бреду —
Весёлыми, широкими шагами
Навстречу ветру по полю иду.

В душе поет восторг безбрежной воли...
Весь мир в лучах! Вся жизнь передо мной!
Как сердце, бьется огненное поле
Под лаской ветра, буйной, молодой.

Весь мир горит, весь мир благоухает! [1, с. 439]

Душа поэта наполнена страстной любовью ко всему, что попадает в его поле зрения, она принимает в себя сочные краски идеального мироздания. Все чувства лирического героя, его душа, сердце, разум раскрыты нараспашку всем проявлениям радости, душа ищет и находит светлое, а грустное и печальное трансформирует в позитив.

Душа человека черствеет, грустнеет, плачет, если пропадает надежда, а ведь благодать для юности повсюду. Какой бы серой ни была действительность, у молодости (и не только...) есть способность повесить радугу радости и счастья. Радость рождается в душе человека как дар свыше, высота духовных устремлений героя-романтика ведет его к деятельности, к удивительному подвигу.

Гроза растаяла. Небо ясно.
Трава подернута серебром.
Светло и сыро. Хочу ужасно
Пройти по радуге босиком;
...
А если радуга вдруг исчезнет,
Бледнея, спрячется в синеву, -
Я с ней погибну в лазурной бездне
Иль в мир надсолнечный уплыву! [1, с. 439]

Основной принцип полноценной творческой жизни проиллюстрирован в следующем стихотворении Набокова.

У мудрых и злых ничего не прошу;
Гляжу, улыбаясь в окно
И левой рукою сонеты пишу
О розе... Не правда ль, смешно?
И все, что написано левой рукой,
Весенним прочтут вечерком
Какой-нибудь юноша с ватной душой
И девушка с ватыным лицом.
Я тихо смеюсь, беззаботный левша.
Кто знает, что в сердце моем?
О розе, о грезе пишу не спеша
В цветной, глянцевиный альбом.
Но та, что живет у ворот золотых,
У цели моей огневой,
Хранит на груди мой единственный стих,

Написанный правой рукой [1, с. 442].

С серой бездушной реальностью молодой Набоков открыто не конфликтовал, он с ней не то чтобы мирился, но принимал ее к сведению. Поэт понимал, в каком мире он живет. Это его удручало, но, пока он жил в России, оставались живыми многие источники радости. Он умел отстраненно смотреть на происходящее, не углубляясь в психологию потребителей этого мира. Одаренный талантом поэт гармонично пытался сосуществовать с «ватными» людьми и не терять при этом себя, хранил радость, искорку счастья, свою любовь. Его лирический герой не гордится своей исключительностью, он просто тихо и беззаботно радуется, распахивая свое уникальное сердце только перед немногими ценителями, носителями столь же богатых чувств и стремлений.

«Глянцевитый альбом» псевдоискусства существовал всегда, и для сегодняшнего читателя фальшивки вместо истинного знания о жизни являются актуальной и сложной проблемой. Их яркость бросается в глаза, устоять молодому поэту перед ними крайне сложно, но именно здесь находит преломление осознанный выбор самого человека.

«Ватному» восприятию в стихах Набокова противопоставлен слух прозрачный, который всё различит. Душа с подобным прозрачным слухом, редко одаренная, может войти в мир поэта, в лучистый мир гения. Человек, у которого живо сердце, открыта душа прекрасному и светлому, сможет почувствовать, что «сердце есть у каждого листка».

И ты поймешь, и слух прозрачный твой
всё различит: и солнца смех летучий,
и в небе вздох блестящей легкой тучи,
и песню пчел над шепчущей травой.

И ты войдешь тропинкою пятнистой
туда, в мой лес, и яркий и тенистый,
где сердце есть у каждого листка;

туда, где нет ни жалоб, ни желаний,
где азбуке душистой ветерка
учился я у ландыша и лани [1, с. 453].

Гармония с окружающим миром едва ли достижима. Борьба со «стальными стенами» нет смысла, пытаюсь переделать, доделать, исправить. Результат этой борьбы мало состоятелен. Преодолеваются тупики реальности только творческим запасом любви.

Пусть всё горестней и глуше
уходит мир в стальные сны...
Мы здесь одни, и наши души
одной весной убелены.
И вместе, вместе, и навеки,
построим мир — незримый, наш;
я в нем создам леса и реки,
ты звезды и цветы создашь [1, с. 457].

В своем собственном мире можно жить радостно, счастливо, не боясь с внешним стальным «сновидением».

Молодой поэт испытывает прочное чувство влюбленности в жизнь, в природу, в родную страну, в то место, где родился. Ему спокойно, мирно, уютно в поэтическом пространстве, где Бог, Любовь — не отвлеченность. Каждый новый день, как праздник, одухотворен состоянием душевного счастья, ощущением единения с божественной сущностью бытия, присутствием Творца во всем, поистине «всякое дыхание да славит Господа»:

Как светозарно день взошел!
Ну не улыбка ли Господня?
Вот лапки согнутые поднял
нежно-зеленый богомол.

Ведь небеса и для него...
Гляжу я, кроткий и счастливый...
Над нами — солнечное диво,
Одно и то же Божество! [1, с. 490].

С годами Набоков не утрачивает радости, он остается верующим христианином, хотя на Западе это обретает определение «морализатор». Его тянет глубина природы, до конца своих дней он не перестает восхищаться красотой жизни, он «художник, любящий равно и мрак и свет» [1, с. 477]. Секрет Набокова состоит в том, что он чувствует вселенную «в своей душевной глубине» [1, с. 480]. Апологет формы, слова, мысли внутри своих произведений тонким дождем, неуловимой дымкой включает радость и добро в слой своего художественного мира. Радостные, добрые явления сложнее всего увидеть, почувствовать, ведь в глаза, в сердце, в душу через наш пытливый разум проникают в первую очередь грустные, темные, грязные мотивы действительности, а рассмотреть хорошее, доброе, чистое нужны чуткость и детская прочность души.

Так мелочь каждую — мы, дети и поэты,
умеем в чудо превратить,
в обычном райские угадывать приметы,
и что ни тронем — расцветить... [1, с. 446].

Уже в юном возрасте, чуть за двадцать, Набоков говорит о надвигающемся бездуховном мире. Спасение он видит в том, чтобы быть целомудренно бездомным, что значит — не принимать правила игры окружающего мира, также это спасение заключено в собственной, личной свободе и безграничной доброте.

Нас мало — юных, окрыленных,
не задохнувшихся в пыли,
еще простых, еще влюбленных
в улыбку детскую земли.
...
но мы пришли в злоеший век.

Навис он, грубый и огромный,
но что нам гром его тревог?
мы целомудренно бездомны,
и с нами звезды, ветер, Бог [1, с. 447].

На Западе Набоков наблюдал еще более ущербных, «ватных» людей, нежели в объятый вой-

ной России. Его романы, повести и рассказы повествуют о духовном крахе современного цивилизованного человека, уподобляемого заключенному в тюрьму, манекену, кукле, шахматной фигуре, рекламному автомату. Поглощенность ложными целями ведет героев к безрадостному, скучному, порочному времяпрепровождению, тусклому и безрадостному существованию, хотя по природе своей они ищут радости, но утрачивают ее, едва приблизившись к красоте и добру...

Мы к чистой звезде потеряли дорогу [1, с. 462].

Как радостно жить в серой рутинной действительности прогрессивного мира XXI века? Это даже не вопрос, а крик Души человеческой. Давайте задумаемся, счастливы ли мы? У нас есть все! Все дары техногенного прогресса, а счастья нет. Почему? Основную составляющую человеческого счастья составляет Радость, способность человека радоваться, поддерживать состояние праздника Души. Набоков оставил нам стихотворное завещание, конечно же, основанное на мудрости христианства:

Живи. Не жалуйся, не числи
ни лет минувших, ни планет,
и стройные сольются мысли
в ответ единый: смерти нет.

Будь милосерден. Царств не требуй.

Всем благодарно дорожи.

Молись — безоблачному небу

и василькам в волнистой ржи.

Не презирая грёз бывалых, —
старайся лучшие создать.

У птиц, у трепетных и малых,
учись, учись благословлять! [1, с. 468-469].

Сделать подобное мировосприятие своим не просто, в особенности, если человек не чувствует благодатных начал жизни. Мы привыкли постоянно выражать недовольство происходящим, нам не нравятся погода, люди, политика, даже родные и близкие люди подчас, кажется, делают всё не так, как мы считаем нужным. Тем самым мы опять раздражаемся и досаждаем. О какой постоянной радости может идти речь, если человек сосредоточен на своих обидах? От своих наставников мы слышим, что надо любить людей и радоваться жизни, нужно ведь быть мудрым, так как жизнь одна... Но как же научиться радоваться? Радостное состояние души воспитывается каждодневным, ежечасным, ежеминутным трудом: во всем видеть повод для радости, в любых проявлениях нашей жизни. Да, окружающая действительность может быть серая, холодная, враждебная и перечислять прилагательные с негативной окраской можно бесконечно, пока вы в своей собственной жизни не скажете «СТОП» и не начнете смотреть на нее под другим углом зрения, трансформируя все отрицательное в

положительное, находя и в плохом что-то хорошее, как юная Полианна из повести Элионор Портер. Вспомним мультик «Ох и Ах», замечательный образец двух противоположных мироощущений. Охаем — грустим, ахаем — порхаем от счастья, радости, любви, и сами счастливы, и другим помогаем...

1. Набоков В.В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. 825 с.
2. Набокова В. Предисловие // Набоков В. Стихи. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 5-6.
3. Лотман М.Ю. «А та звезда над Пулковом... Заметки о поэзии и стихосложении В.Набокова» // В.В.Набоков: Pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В.Набокова: Антология. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2001. С. 40-44.
4. Мазур А.В. Религиозные мотивы в поэзии В.В.Набокова // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 523-533.
5. Маликова М. Ничья меж смыслом и смычком // Набоков В. Стихи. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 296-331.
6. Ваховская А.М. Поэтические вариации христианских мотивов в лирике Владимира Набокова и Бориса Поплавского // Рождественские чтения, 7-е: Христианство и культура. М., 1999. С.118-133.
7. Битов А. Текст как текст. М.: ArsIsBooks, 2010. 212 с.
8. Погребная Я.В. «Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы...» Лирика В.В.Набокова. М.: Флинта, 2011. 248 с.
9. Набоков В. Стихи. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С. 4.
10. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. С. 284.

References

1. Nabokov V.V. Collected works in 5 vols, vol. 1. Saint Petersburg, 2004. 825 p.
2. Nabokova V. Predislovie [Introduction]. In: Nabokov V. Stikhi. Saint Petersburg, 2015, pp. 5-6.
3. Lotman M.Yu. "A ta zvezda nad Pulkovom... Zаметki o poezii i stikhoslozhenii V.Nabokova" [And the star of the Pulkovo... Notes on Nabokov's poetry and versification]. In: V.V.Nabokov: Pro et contra: Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V.V.Nabokova: Antologiya, vol. 2. Saint Petersburg, 2001, pp. 40-44.
4. Mazur A.V. Religioznye motivy v poezii V.V.Nabokova [Religious motives in the poetry of V.V.Nabokov]. Problemy istoricheskoy poetiki, 2008, no. 8, pp. 523-533.
5. Malikova M. Niche'ya mezh smyslom i smychkom [Draw between sense and bow]. Nabokov V. Stikhi. Saint Petersburg, 2015, pp. 296-331.
6. Vakhovskaya A.M. Poeticheskie variatsii khristianskikh motivov v lirike Vladimira Nabokova i Borisa Poplavskogo [Poetic variations of Christian motives in the lyrics of Vladimir Nabokov and Boris Poplavsky]. Rozhdestvenskie chteniya, 7-e: Khristianstvo i kul'tura. Moscow, 1999, pp.118-133.
7. Bitov A. Tekst kak tekst [Text as text]. Moscow, 2010. 212 p.
8. Pogrebnaya Ya.V. "Plot' poezii i prizrak prozrachnoy prozy..." Lirika V.V.Nabokova ["The flesh of the specter of poetry and prose transparent ..."] V.V. Nabokov's Lyrics]. Moscow, 2011. 248 p.
9. Nabokov V. Stikhi. Saint Petersburg, 2015, p. 4.
10. Blok A.A. Collected works in 8 vols, vol. 3. Moscow; Leningrad, 1960, p. 284.